

- ³⁰ Там же. Д.323. Л.32-34.
- ³¹ Северьянов М.Д. Указ. соч. — С. 121.
- ³² РГАСПИ. Ф.17. Оп.123. Д.292, Л.9.
- ³³ Там же. Оп.138. Д.481. Л.6; РГАЭ. Ф.5675. Оп.1. Д.556. Л.102.
- ³⁴ НА РБ. Ф.1056. Оп.1. Д.30. Л.29.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.217.
- ³⁶ Отечественная история. 1992. № 4. -С. 44.
- ³⁷ РГАСПИ. Оп. 138. Д.481. Л.7.
- ³⁸ Сборник постановлений РСФСР, — М., 1945. № 7. — С. 50.
- ³⁹ Постановление Совета Министров СССР N 3215 от 24 июля 1949 г.; РГАЭ. Ф.5675. Оп.1. Историческая справка фонда.
- ⁴⁰ Распоряжение Совета Министров СССР от 12 декабря 1951 г. № 23816-р; Постановление Совета Министров СССР от 5 ноября 1949 г. // РГАЭ. Ф.5675. Оп.1. Д.383. Л.97; Д.389. Л.52.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.138. Д.343. Л.118.
- ⁴² Там же. Д.650. Л.46.
- ⁴³ ГАРФ. Ф.327. Оп.1. Д. 123, Л.42.
- ⁴⁴ Там же. Ф.310. Оп.1. Д.1145. Л.98; Ф.327. Оп.1. Д.120. Л.52; Д.127. Л.15-16.
- ⁴⁵ «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». Постановление сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. // КПСС в резолюциях ... Т.7. -М., 1968.- С. 19.
- ⁴⁶ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, Т.4. -М., 1958, С. 210; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. — М., 1968. -С. 19; Справочник о льготах по переселению.— С. 64.
- ⁴⁷ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. Т.5. -М., 1959. -С. 460-462.
- ⁴⁸ Информация и обмен опытом работы, - М., 1956. -С. 5.
- ⁴⁹ ГАКК, Ф.2137, Оп.1, Д.23. Л.105; НА РБ. Ф.1056. Историческая справка фонда.
- ⁵⁰ КПСС в резолюциях... Т.7. -М., 1971, С. 166.
- ⁵¹ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. С. 574-575,
- ⁵² ГАРФ.Ф.310. Оп.1. Д.1633. Л.1; ЦХДНИ. Ф. 5. Он.30. Д.220. Л.160.
- ⁵³ Ф.518. Оп.1. Д.139. Л.2; Д.164. Л.2.
- ⁵⁴ Там же. Д.164. Л.115.
- ⁵⁵ Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни). Автореф. дис— докт. ист. наук. -М., 1996. С. 25,
- ⁵⁶ Инструкция о порядке переселения семей в колхозы, совхозы и другие государственные сельскохозяйственные предприятия. - М., 1980.— С. 4.
- ⁵⁷ Комитет по делам миграций при Министерстве труда РСФСР, затем — Федеральная миграционная служба.

ПОЛИТИКА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Абрамов Ю.Ф.

Иркутский государственный университет

Куйбарь В.И.

Восточно-Сибирский институт управления и экономики

«ГЛОБАЛЬНАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ» КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Глобальная регионализация экономической, социально — политической жизни Земного сообщества является важнейшей проблемой современной науки, она напрямую связана с процессами универсально-всеобщих форм воспроизводства и выживания всего Человечества, Переход мирового сообщества к модели безопасного устойчивого развития и

становления Ноосферы следует рассматривать как объективную, прежде всего как политико-экономическую тенденцию решения глобальных проблем и альтернативу самоуничтожению, деградации человечества¹. В этой модели Ноосфера понимается как этап развития мировой цивилизации, на котором обеспечен приоритет Разума и императивов безопасного устойчивого развития. В связи с этим ноосферные исследования сегодня приобретают сугубо практическое значение, а из наиболее продуктивных направлений реализации идеи безопасного устойчивого развития можно выделить два: глобальное и региональное. В основе глобальной парадигмы познания лежит понятие ноосферного эволюционизма, как способа целостного восприятия мира, построения его новой модели на основе осмысления и поиска решений глобальных проблем общечеловеческого характера. В основе региональной парадигмы лежит представление о регионе как конкретно-исторической социоприродной целостности, выступающей в познании «элементарной единицей» формирования глобальной сети наднациональных образований («нового глобального порядка»).

По-видимому, глобальный и региональный подходы отражают диалектическое единство определенного класса противоречий, стоящих перед Земным сообществом в начале XXI века. Все многообразие возникающих глобальных проблем интегрируется на региональном уровне в соответствии с неповторимыми особенностями открытости либо закрытости региона для глобальных взаимодействий. В самом общем виде, можно предположить, что глобализация — это не только коренная трансформация имевших место ранее процессов интернационализации хозяйственной, культурной и политической жизни человечества, их резкое ускорение и глубокое качественное преобразование, но начавшийся переход к новым, нежели государство, системообразующим социально-территориальным «единицам» — либо глобального, либо регионального масштаба. В этой связи авторы, предпринимают попытку «пунктирно» обозначить границы проблемного поля познания названных процессов и потому, лишь акцентируют внимание читателей на основных аспектах глобальной регионализации, как ведущей тенденции социального развития Земного сообщества.

Глобальная регионализация в начале постиндустриальной эпохи ими понимается как политическая «форма — тенденция», постоянно нарастающей с середины XIX века, мировой капитализации социума, как «высшая» стадия развития капитализма. Иными словами, термин «глобальная регионализация» означает указание на то обстоятельство, что новая стадия капитализма порождает и новую форму структуризации

социально-территориального мира, определяемую во многом, «господствующей ролью Соединенных Штатов». В методологическом плане понятие «глобальная регионолизация», по-видимому, возникает из логико-теоретического совмещения содержания понятий «глобализация» и «регионолизация», как категорий общенаучного характера. В современной науке нет общепризнанного понимания, как собственно содержания понятия «глобализация», так и его теоретико-методологической «истории». Не вдаваясь в нюансы дискуссии, мы лишь эскизно обозначим свой взгляд на эти вопросы.

Скорее всего, следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что глобализация как общецивилизационный процесс первоначально возникает в конце XV века — начале XVI века в связи с эпохой великих географических открытий, второй этап глобализации разумно отнести ко времени промышленной революции, созданию мирового рынка и капитала, завершению индустриальной цивилизации, — это XVII — XX века. И, наконец, третий современный этап глобализации — последняя четверть XX — начало XXI века — время развития глобальных информационных технологий, становления информационно— виртуального мира, время, когда понятие «информационно-виртуальная среда» становится не только обозначением отдельного самостоятельного социально-исторического продукта, товара и пр. для, нового по своей природе, глобального рынка, но оказывается в одном ряду с категориями «материя» и «сознание» в единой философско-научной картине мира². Иными словами, понятие «глобализация», в этой связи, отметим особо, это не только мировой капитал, мировой рынок, «прозрачность» национальных границ и возникновение наднациональных структур, институтов и отношений, она в своём информационно-виртуальном содержании важнейший фактор, который меняет философскую картину мира, в рамках которой приходится говорить не только о материальной и идеальной реальности, но и о реальности виртуальной, что, разумеется, требует переосмысления фундаментальных основ этой картины².

Феномен глобализации, таким образом, серьёзный повод для изменения традиционных научных взглядов на мироустройство, и в этом, скорее всего, коренится причина значительного разброса мнений учёных на природу, формы, базовые механизмы возникновения и развития глобализации. Это хорошо видно в работе В.А. Михайлова, который попытался систематизировать основные представления о содержании категории «глобализация» в современной науке. Он пишет: «Глобализация - это становление общемирового финансово-экономического пространства рынка общепланетарного масштаба; постиндустриальная стадия развития стран и

появление общемирового информационного пространства на базе новейших медиатехнологий; гомогенизация и универсализация мира; попытка повсеместного распространения единой системы ценностей неолиберального толка; политически востребованная концепция однополярного мира и формирование нового мирового порядка»³.

Особо подчеркнём: мы полагаем позицию В. А. Михайлова наиболее рациональной, относительно вопроса о системообразующих цивилизационных факторах, динамическая связь которых, даёт достаточно исчерпывающую картину глобализации. Вместе с тем, несмотря на временную асинхронность включённости политических, экономических, финансовых, технологических, информационных, экологических, социально-культурных и др. составляющих в единый процесс глобализации, необходимо помнить: именно информационно-виртуальная составляющая «повинна» в том, что глобализация предстаёт как общемировой рынок капитала, товаров и услуг а также в виде возможности «преодоления» межгосударственных границ за счёт функционирования возникших на её основе наднациональных образований и институтов: ООН, Европейский Союз, Большая восьмёрка, ЮНЕСКО, ИНТЕРПОЛ, различные мировые программы, и др.⁴

Нам представляется, что термин «глобализация» обозначает всемирный процесс формирования нового социально-политического порядка, новой структуризации социума являющийся в познании как диалектика интеграции и дифференциации традиционных территориальных социально-экономических единиц -национальных государств. Главной особенностью этого диалектического процесса правомерно считать «проницаемость» межгосударственных границ как следствие совместного действия множества цивилизационных факторов, сумма которых открывает возможность для становления исторически нового, единого Глобального Сообщества, посредством новой формы социальной структуриации.

Выстраивая логику определения, можно сказать: глобализация — это одна из сторон общемирового развития, которая в силу действия транснациональных факторов, (интернационализация хозяйственной, политической и культурной и т.д. жизни человечества) приводит к формированию новых геополитических пространств различного масштаба, что в свою очередь, на основе инфомационно-виртуальных технологий, открывает перед постиндустриальным сообществом свойство «прозрачности» национальных границ для большинства традиционных видов деятельности социума: производство, накопление, обмен различных видов социально— значимого продукта,

Глобализация, таким образом — исторически новая форма единства мирового сообщества, в фундаменте которой лежит новый вид объективной реальности — реальность информационно-виртуальная. Фундирующая роль названной реальности в том, что в начале XXI века она оказывается необходимым условием для последующего развития традиционных видов реальности: материальной (производство, обмен, рынки и др.) и идеальной (знания, наука, религия, культура и др.)

В рамках обсуждаемой, проблемы есть ещё один немаловажный аспект, В принципе, как бы не было важно в теории обосновать новизну информационно-виртуальной основы постиндустриальной цивилизации, для неё, как и для предыдущих форм цивилизационного процесса, ядром социально-исторического развития выступает экономико-капиталистический фактор в его взаимосвязи с территориальными (региональными) представлениями науки, который часто именуют «базовая пространственная единица» или «регион — система»⁶.

Интенсификация процессов регионализации в XX-XXI вв. привела прежде всего к появлению значительного числа публикаций, посвященных общенаучным понятиям «регионализация», «регион», «региональная система», «регионализм», «региональная политика», «региональная экономика», «региональная безопасность» и др.

Как пишет в своем интересном исследовании Т.Н. Кучинская, на начальном этапе развития научных представлений о регионализации широкое распространение имели географические (когда возник термин «территориальная система»), экономические и социально-экономические подходы к определению понятия «регион». В литературе некоторые исследователи воспринимают регион как систему, другие выделяют основные факторы функционирования и развития региональных систем. Как результат появляются новые подходы, постепенно формирующие и политическое содержание этих систем. Так, например, регион рассматривается как «социоприродная целостность», «минимальная единица ноосферогенеза», «социокультурная целостность обладающая социокультурным кодом», наконец, как «субъект политики», структурированный определенными политическими ориентирами⁷.

Большинство современных ученых Запада под регионом подразумевают политико-административные и социально-экономические системы в рамках административно-территориальных образований государства, В новейших исследованиях отечественных учёных выделяется структура региона и начинается разработка различных её аспектов, прежде всего в плане территориального устройства социально-политической системы.

Категория «региональное воспроизводство» как элемент структуры многими авторами отождествляется с социально-экономическим воспроизводством. Вместе с тем, категория «социального воспроизводства» является наименее исследованной в отечественной науке. Хотя некоторые подвижки в этом направлении уже имеются⁸.

В системном исследовании региона наибольшее распространение получили четыре парадигмальные дифференциации, способствующие его политологическому познанию: «регион как квазигосударство», «регион как квазикорпорация», «регион как рынок», «регион как социум. При этом попытки применения корпоративного подхода к макроуровневым региональным системам типа «регион — страна» стали предприниматься буквально в последние два-три года⁹.

Категория «региональная система» в современной политологии все более соотносится с представлениями о наднациональных и транснациональных образованиях. Регион в этом случае трактуется как элемент международного пространства и является объектом геополитических исследований. Исходя из реалий, складывается совершенно новое представление о «регионе — системе», функционирование которого обеспечивается соответствующими изменениями мирового политического процесса.

Современные представления о процессе формирования, развития и функционирования «регионов — систем» в межстрановых отношениях, пишет Н.А.Абрамова, сводятся лишь к проблеме становления «нового регионализма» или «глобального регионализма». Вместе с тем проблемы становления глобального регионализма рассматриваются и в работах китайских аналитиков¹⁰. Но недостаточно разработанной остается роль региональных систем в изменении международно-политических процессов и их анализа как подсистемы глобального политического пространства. Отмеченные проблемы были только обозначены в исследованиях российских авторов. В отечественной науке почти нет исследований политических изменений на различных уровнях региональных систем, в том числе и формирующегося «китайского региона»¹¹.

Можно утверждать, что на данный момент, одной из наиболее важных тенденций развития современного мира выступает регионализация как интеграция локальных сообществ. Регионализация проявляется в локализации, формировании границ между территориально-социальными комплексами, возникновении самодостаточных экономических и политических образований, в сохранении культурных различий этносов и социальных групп, усилении чувства их исключительности. Процесс формирования новых регионов сопровождается перестройкой их

отношений с государством, внутри которого они возникли, и одновременно — изменением отношений с соседними территориями как внутри государства, так и за его пределами. Следовательно, регионализация изменяет и геополитическую, и геоэкономическую структуру мира.

Таким образом, можно предположить, что в первом приближении современный глобальный регионализм можно квалифицировать как начало исторически новой, высшей фазы развития мирового капитализма. В этой связи, по-видимому, важнейшей частью парадигмы регионального познания становится изучение региона как элемента многоуровневой системы конкурентного взаимодействия в сети регионов, а конкурентоспособность допустимо трактовать как хозяйственно-политическую форму самодостаточности региона.

В настоящее время в литературе отмечается, что процессы регионализации активизировались сразу на нескольких уровнях: макроуровне, мезоуровне и микроуровне¹².

На макроуровне регионализация проявляется, с одной стороны, в стремлении локальных цивилизаций оградить себя от экспансии извне. Это ведет к «столкновению цивилизаций», что, по мнению, С. Хантингтона, станет основной проблемой нового мироустройства. Он отмечает, что в современном мире главным будет конфликт между различными типами цивилизаций, т.к. межцивилизационные различия фундаментальны по своей природе¹³. Регионализация на этом уровне сопровождается тем, что несколько цивилизаций, вобрав в себя относительно нейтральное социальное пространство, постепенно очерчивают контуры перманентных конфликтогенных зон — линии «тектонических» разломов в местах соприкосновения цивилизационных «плит». Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов. Судя по всему, центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между Западом и остальным миром, Евроазиатским и «Китайским» регионами. Это связано с тем, что Запад пытается навязать свои ценности как общечеловеческие, сохранить военное превосходство и утвердить свои экономические интересы, это наталкивается на сопротивление. С другой стороны, регионализация на макроуровне проявляется в том, что постиндустриальные страны как инициаторы глобализации сами становятся на путь регионализации, все более явно образуя замкнутые и самодостаточные системы. Об этом, в частности, свидетельствует замыкание торговых и инвестиционных потоков в пределах постиндустриальной системы, ужесточение иммиграционной политики на Европейском Западе и др. Поэтому западные страны, обеспечив себе абсолютное превосходство над аграрными государствами, как никогда

заинтересованы в сохранении и поддержании собственной стабильности и независимости.

На мезоуровне регионализация, носящая надгосударственный характер, обнаруживается в стремлении к интеграции отдельных территорий, входящих в состав различных государств. Например, образование Европейского Союза. Другой пример — Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), в который входит почти 40 стран. Здесь складывается новый центр мировой экономики и политики.

На микроуровне процессы регионализации развернулись внутри национальных государств. Здесь регионализация связана с усилением своеобразия экономического или политического развития тех или иных территориальных сообществ внутри страны, их стремлением к культурной независимости, а иногда и к сепаратизму. В этом плане регионализация, сопровождающаяся экономической и этнокультурной дифференциацией, часто приводит к политическому дроблению, конфликтам и нестабильности внутри ранее целостных государственных образований.

Региональный фактор стал особо значимым для развития России в начале третьего тысячелетия. В последней четверти XX в. началось активное самоопределение российских регионов, которое осуществлялось в большей степени спонтанно, в контексте борьбы региональных и отраслевых элит. В этом процессе рождалась новая концепция регионализма, со всеми ее позитивными и негативными проявлениями, представляющими определенную угрозу целостности российского политического и социокультурного пространства, которое складывалось веками.

По нашему мнению, регионализация в России — это закономерное следствие ее природно-климатического, социально-экономического, этнокультурного и политико-административного многообразия. Этому также способствовало то обстоятельство, что характер и уровень развития, качество жизни, ментальность населения, глубина и сила кризисных явлений, направление и темпы экономической и политической трансформации весьма различны в российских регионах. В этих условиях неизмеримо возрастает роль региональной политики, на основе которой и происходит становление новой российской государственности.

Опыт многих стран показывает, что региональные особенности развития в эпоху кардинальных трансформаций могут становиться мощным мобилизирующим фактором территориальных преобразований. Умелое использование разнообразия региональных условий способно придать гибкость мобилизационной стратегии государства. Многие ученые полагают, что усиление роли региональных сообществ делает

адаптационные механизмы приспособления к меняющимся условиям жизни более эффективными. Кроме того, регионализация в России — следствие появления новых свойств в ее общественной системе в целом, которая меняет свою социально-политическую и геополитическую организацию, стремясь выйти из состояния кризиса, Регионализация также стала реакцией на кризис прежней командно-административной системы управления, которая строилась на жестком централизме и унификации управленческих целей и средств применительно к регионам. Названные тенденции самым непосредственным образом сказываются на способах конструирования новейшей сферы научного знания — регионологии.

Содержательное определение предметной области регионологии, в первую очередь, зависит от методологической интерпретации самого понятия «регион». Все дело в том, что и в отечественной и в зарубежной научной литературе отсутствует четкость в определении названного понятия. Это, несомненно, является одной из причин многообразия направлений и методологических концепций в современных региональных исследованиях. Как показывает анализ литературы¹⁴, выделяется множество подходов, которые рассматривают названный феномен либо с социально-экономических, либо административно-территориальных, политических, культурных и иных позиций.

По нашему мнению, приведенные подходы методологически ограничены. Мы полагаем, что понятие «регион» следует понимать как общенаучную категорию, обозначающую конкретно-историческую территориальную социоприродную целостность, обладающую свойством ресурсной (природные и социальные ресурсы), технологической и этнокультурной самодостаточности для расширенного социального воспроизводства, эта целостность является минимальной «единицей» развертывания ноосферогенеза, интегрирующая все качества будущей Ноосферы. Предлагаемое определение, как представляется, методологически открытым в силу того обстоятельства, что покрывает собой все упомянутые ранее подходы, кроме того, оно позволяет с единых логико-теоретических позиций включить и иные актуальные признаки обсуждаемого феномена, которые появляются в литературе в связи с другими познавательными задачами.

Вместе с тем, если задаваться вопросом: какой должна быть конструкция общей теории региона - регионология, то, по-видимому, можно предполагать, что в ее основу должна быть положена концепция регионообразующих факторов¹⁵. К наиболее часто употребляемым регионообразующим факторам относят географические, экологические, экономические, политические, демографические, энергетические и т. д.

Ясно, что регионообразующие факторы взаимодействуют между собой в рамках региональной системы воспроизводства социальной жизни людей и обуславливают друг друга. Это дает возможность в познании анализировать экономические, политические и другие явления в региональных территориях с учетом противоречивости и сложности региональных процессов, взаимосвязи компонентов региональной и общенациональной жизни, постоянного качественного изменения всех ее сторон. Поэтому можно предположить, что понятие «регионообразующий фактор» - категория социально-политической теории, которая обозначает совокупность генеральных социальных качеств субъектов региональных сообществ, которые влияют в совокупности на уровень конкурентоспособности территории и связаны с принципом «разрешения и запретов», предоставляемых территорией самодостаточному оседлому социуму.

В связи с этим необходимо установить в теории диалектическую связь между этими факторами, определяющими структуру региона, что, в свою очередь, позволит выявить степень безопасности и динамику устойчивости регионального развития¹⁶. Таким образом, познание законов диалектической взаимосвязи регионообразующих факторов, которые в теории воспроизводят качества устойчивой безопасности и конкурентоспособности территории, составляет предмет зарождающейся регионологии, в том числе в её глобально-методологической форме, а категорию «глобальный регионализм» можно интерпретировать как понятие, обозначающие в познании исторически новую стадию мирового капитализма, которая, соответственно, порождает и исторически новую форму структуризации социально-территориального мира в масштабе Земного сообщества.

Приложения

¹ Подробно см.: Абрамов Ю.Ф., Кардонова И.А. Глобальная регионология: содержание и особенности познания. Экономико-политический аспект, — Иркутск: ИГУ, 2005.

² См. подробно: Мантатова Л.А. Философские перспективы устойчивого развития информационного общества. Улан-Удэ, 2002, с.242; Уэбстер. Теории информационного общества. М., 2004. 400 с. и др.

³ Михайлов В.А. Глобализация — объективный фактор развития современного мира // Безопасность Евразии. 2004. №1. С. 217-218,

⁴ См. подробно: Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005, С. 432,

⁵ См. например: Иванов Д.В. Виртуализация общества. Спб., 2002. С. 215; Куйбарь В.И. Эколого-информационный глобализм и устойчивое развитие цивилизации. Иркутск, 2005. С. 162 и др.

⁶ См., например: Дворцов В.И. «Регионы — системы» как новое геоэкономическое инфраструктурное деление — проблемы становления. // Безопасность Евразии. 2005. №2. С. 443 — 445.

⁷ Кучинская Т.Н. Проблемы политических изменений глобализирующегося «китайского региона». Чита, 2007. С. 7.

⁸ См., например: Калюжнова Н.Я. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации. М., 2004. С. 524.

⁹ Абрамов В.А., Волнина Н.Н. Глобализирующийся человек: грани социокультурного изменения. Чита, 2006. С. 209.

¹⁰ См. подробно: Абрамова Н.А. Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских учёных // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия — Китай — Монголия: Материалы международной конференции (18 октября 2006 г.). Чита, 2006. С. 76.

¹¹ Там же. С. 92.

¹² Абрамов Ю.Ф., Кардонова И.А. Глобальная регионализация: содержание и особенности познания: Экономикс— политический аспект. Иркутск, 2005. С. 39,

¹³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005, С. 94.

¹⁴ См. подробно: Абрамов Ю.Ф. и др. Регион: научное понятие и реальность. Теоретико-методологические очерки. Иркутск, 2001. С. 218.

¹⁵ Абрамов Ю.Ф., Арсентьева И.И. Регионоведение России. Иркутск, 2006. С. 164.

¹⁶ См. подробно: Абрамов Ю.Ф. и др. Основы теории устойчивого безопасного развития России и региона. Иркутск, 2006. С. 284 .

Лиштованный Е.И.

Иркутский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МОНГОЛИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА: НАЧАЛО МОНГОЛЬСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Начало реформ в Монголии фактически было объявлено сразу же вслед за провозглашением в СССР в 1985 г. курса на перестройку. Справедливости ради, следует отметить, что у истоков этого процесса стояла Монгольская народно-революционная партия. Решения XIX съезда МНРП в 1986 г, и, особенно, решения V Пленума ЦК МНРП в 1988 г. свидетельствуют об этом /1/. Но одно дело объявить, другое — постараться достигнуть реальных результатов. Конечно же, МНРП рассчитывала на то, что обновление модели развития страны произойдёт без ломки старых общественных отношений, в рамках социалистической системы. Поэтому, повторяя КПСС, МНРП большей частью провозглашала лозунги, эпизодически объявляла какие-либо компании, что никак не приводило к улучшению положения в стране.

Несколько позже высшее руководство партии и государства признает крайнюю медлительность и неэффективность своих попыток. Особенно кризисная ситуация сложилась в сельской местности. Генеральный секретарь ЦК МНРП Ж. Батмунх, выступая в январе 1990 г. на УП Пленуме ЦК МНРП, отмечал: «Нужно немедленно исправить такое положение, когда два миллиона человек, проживающие на территории в 1,5 миллиона квадратных километров, не обеспечиваются работой полностью. На селе очень тяжело со свечами и чаем. Скотоводы сидят в глухой темноте» /2/. Но не «свечи» и не «чай» стали проблемой номер один. Всё вдруг предстало в глобальном плане, ибо обозначившийся на селе кризис стал приобретать черты цивилизационного краха. В 1987 г. Институт философии, социологии и права АН МНР провёл масштабное исследование образа жизни сельского населения. Результатом явился вывод о том, что одним из важных показателей кризиса в животноводстве стало падение престижа профессии скотовода. Жизненные планы молодёжи, выпускников средних школ преимущественно были связаны не с производительным трудом, а с